
МИГРАЦИОННЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В КОРОЛЕВСТВЕ ДАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В. М. Капицын¹
А. К. Магомедов²
А. Е. Шапаров³

¹ Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., 27

² Российский государственный гуманитарный университет,
125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6.

³ Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск, ул. Наб. Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7

© Капицын В. М., Магомедов А. К.,
Шапаров А. Е., 2022

Дания — страна, гарантирующая подданным высокие стандарты в области прав человека, но возводящая барьеры для части инокультурных мигрантов, способных создавать угрозу безопасности национального сообщества. Датские традиции либерализма, гуманизма и государства всеобщего благосостояния уживаются с проведением одной из самых рестриктивных политик в Европе относительно иммигрантов третьих стран. Цель статьи — исследование эволюции управленческих подходов к формированию иммиграционной политики и интеграции инокультурных мигрантов в Данию, а также ценностных детерминант этих изменений. Применение неинституциональной методологии позволило проанализировать эволюцию ценностных детерминантов формирования иммиграционной политики Дании, а также норм и практик в сфере интеграции инокультурных мигрантов. По нашему мнению, проведение ограничительной иммиграционной политики стало возможным благодаря консенсусу основных политических сил, прежде всего левой Социал-демократической партии и правой Либеральной партии Венстре, не желающих усиления электоральной поддержки праворадикальных партий (эффект «заражения справа», по М. Дюверже). Объектом датской рестриктивной политики интеграции выступают инокультурные мигранты, преимущественно из мусульманских стран. Правительство систематически принимает меры к ограничению их доступа на территорию страны. В сфере интеграции мигрантов вектор сместился на «жесткий» вариант усвоения гражданских демократических ценностей, трудоустройства как основания для получения пособий, на внедрение практик депортаций инокультурных мигрантов, совершивших преступления.

Ключевые слова:

иммиграционная политика, Дания, интеграция мигрантов, беженцы, политические партии, секьюритизация миграции, идентичность

Для цитирования: Капицын В. М., Магомедов А. К., Шапаров А. Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 98–114.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7.

Королевство Дания — высокоразвитая страна, входящая в топ-10 стран мира по многим авторитетным международным рейтингам, политическому и социально-экономическому развитию общества. Дания занимала 5-е место в 2020 году по уровню безопасности в Глобальном индексе миролюбия (Global Peace Index), включающем 23 качественных и количественных показателя, оценивающих отношения, институты и структуры, которые способствуют безопасности общества. Согласно Индексу гендерного неравенства (Gender Inequality Index) Дания занимает 2-е место (2019), по Рейтингу стран мира по состоянию политических и гражданских свобод Freedom House — 8-е место (2020) и Индексу человеческого развития (Human Development Index) — 10-е место (2020)¹.

Как и другие развитые страны Европы, Дания привлекательна для иммигрантов; среди них постоянно увеличивается доля беженцев. Процветающая страна с населением 5,8 млн чел. на протяжении почти 20 лет выделяется в ЕС своей ограничительной иммиграционной политикой в отношении инокультурных мигрантов. В отличие от Швеции и некоторых других стран Дания не выбирала мультикультурализм в качестве основы политики интеграции мигрантов. Курс на ужесточение политики в отношении инокультурных мигрантов с начала XXI века остается неизменным в политике как левоцентристских, так и правопоцентристских правительств. На 1 июля 2021 года в Дании насчитывалось 825,0 тыс. иммигрантов и их потомков (14,1 % общей численности населения), из которых 526,7 тыс. происходят из западных стран (9 %), среди них из мусульманских стран — 286,7 (4,9 %)². С 2020 года в статистике по иммиграции стали выделять мигрантов из стран MENAP (Middle East and North Africa (MENA), Пакистан и Турция), куда входят страны с преимущественно мусульманским населением: Сирия, Кувейт, Ливия, Саудовская Аравия, Ливан, Сомали, Ирак, Катар, Судан, Бахрейн, Джибути, Иордания, Алжир, Объединенные Арабские Эмираты, Тунис, Египет, Марокко, Иран, Йемен, Мавритания и Оман, Афганистан, Пакистан и Турция. При этом страны с преимущественно немусульманским населением (Израиль, Эфиопия, Эритрея) не включены в список MENAP.

Цель статьи — сравнение эволюции управленческих подходов к формированию иммиграционной политики и интеграции инокультурных мигрантов в Дании, а также политических детерминант изменений иммиграционного регулирования. Выбор Дании продиктован тем, что страна находится в авангарде общеевропейского тренда на ограничение миграции беженцев, успешно сочетает предоставление возможностей для интеграции с ужесточением иммиграционного контроля и требований к инокультурным мигрантам.

Обзор литературы

Иммиграционная политика Скандинавских стран привлекает внимание многих ученых, рассматривающих различные ее аспекты. Сходство климата, культуры, политики, рынка труда и систем социального обеспечения, тесные связи в историческом прошлом обусловили применение сравнительного подхода [1—3]. Швеция традиционно выступала как наиболее либеральная к мигрантам страна, допуска-

¹ Global Peace Index 2020, 2021, *StatisticsTimes*, URL: <http://statisticstimes.com/ranking/global-peace-index.php> (дата обращения: 11.11.2021); Gender Inequality Index, 2021, *Human Development Reports*, URL: <http://hdr.undp.org/en/2020-report/download> (дата обращения: 11.11.2021); *Human Development Reports*, 2021, URL: <http://www.hdr.undp.org/> (дата обращения: 11.11.2021).

² *Integrationsbarometeret*, 2021, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/INTEGRATION-STATUS-OG-UDVIKLING> (дата обращения: 11.11.2021).

ющая культурное многообразие [4; 5]. Иммиграционная политика Дании с конца XX века становилась ограничительной, хотя ориентировалась на интеграцию [6]. Норвегия занимала промежуточное место среди этих стран относительно ограничений в иммиграционной политике [7]. По сравнению со степенью изучения Швеции российские ученые уделяли меньше внимания иммиграционной политике Дании, однако за прошедшие годы ситуация стала меняться [8—12].

В Скандинавских странах сильно различается общественный дискурс проблем иммиграции [7; 13]. Датские СМИ чаще используют фрейм угроз при освещении проблем миграции, в отличие от шведских СМИ, где обычно встречается фрейм жертв. По выводам Я. Мэдсена, позиция датских СМИ претерпела кардинальные изменения. Если в 1970-х годах мигранты рассматривались как необходимая рабочая сила для развивающейся датской промышленности, то с конца 1980-х медиа чаще связывают тему иммигрантов с преступностью, расизмом и социальными проблемами [14]. Миграционный кризис 2015 года обострил данный дискурс и стал предметом пристального научного изучения [15—18].

В основу методологии положен неоинституционализм, позволяющий изучать эволюцию иммиграционной политики как реакцию институтов на изменение ценностных оснований принятия политических решений, когда вызовы, формируемые инокультурной миграцией, обострили противоречия международных обязательств в области прав человека с интересами датской нации. Также для анализа дискурса миграции были применены конструктивистский, сравнительный, дискурсный и индексный подходы.

Генезис политико-управленческих подходов к регулированию миграции

Нехватка рабочей силы в Дании в 1960-х и 1970-х годах привела к буму трудовой иммиграции из Турции и Пакистана. Компактное размещение рабочих с семьями, а также беженцев из Чили и Юго-Восточной Азии, имевших значительную культурную дистанцию от датчан, запустило процессы геттоизации, формирования сегрегированных сообществ, что стало темой политических дебатов уже в 1980-х годы. На выборах 1987 года основные политические партии призывали остановить образование территориальных скоплений иммигрантов. В середине 1990-х годов последовала волна беженцев с территории бывшей Югославии. К этому времени ведущие политические силы и общество осознают необходимость помимо адаптации к рынку труда и знания языка добиваться культурной и социальной интеграции инокультурных мигрантов. Дания стала одной из первых стран ЕС, принявших закон об интеграции мигрантов.

По нашему мнению, главная характеристика датского иммиграционного законодательства — дифференцированный подход (преференции для мигрантов с близкой культурой + определенные барьеры для инокультурных мигрантов). В датской статистике иммигрантом значит тот, кто получил гражданство (за исключением тех, кто имеет хотя бы одного родителя — гражданина Дании, родившегося в Дании). Статистика оперирует понятиями «иммигрант», и «потомок иммигранта», и их классифицируют по двум категориям: мигранты из западных и незападных стран. В Законе об иностранцах³ указывается, что граждане Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции могут въезжать в Данию без разрешения на проживание и работу. Стандартные правила распространяются на граждан стран Евросоюза и Шенгенской зоны.

³ Udlændingeloven, nr. 1022 af 2. oktober 2019, 2019, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/a/2020/1513> (дата обращения: 11.11.2021).

В первой редакции 1983 года датский Закон об иностранцах в части правового положения просителей убежища характеризовался как один из самых либеральных законов об иностранцах в Европе: беженцы де-факто (не включенные в Женевскую конвенцию 1951 года) получили право на убежище (§ 7) и право на воссоединение семьи (§ 9). Это ожидаемо привело к увеличению притока гуманитарных мигрантов, и в 1990-е годы произошло ужесточение законодательства, были ограничены основания для воссоединения семей, сокращены количество и размер пособий.

Дебаты вокруг проблем интеграции мигрантов, приема беженцев и предоставления гражданства стали главными темами избирательных кампаний 1998, 2001 и 2005 годов. Вопросы адаптации и интеграции мигрантов теперь неотъемлемая часть национальной политической повестки. В таблице 1 приведены данные статистики по соискателям убежища и лицам, получившим статус беженца.

Таблица 1

**Количество соискателей убежища и лиц, получивших статус беженца в Дании,
2011 — 2020 годы, чел.**

Категория мигрантов	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Соискатели	3806	6184	7557	14792	21316	5717	3500	3559	2716	1015
Получившие статус беженца	2249	2583	3889	6104	10 849	7493	2750	1652	1783	601

Источник: International Migration Denmark: Report to OECD, The Ministry of Immigration and Integration Denmark 2017—2020 (<https://uim.dk/publikationer/international-migration-denmark-2020>).

Важными вехами институционализации иммиграционной политики Дании стали 1999 год (вступил в силу закон об интеграции инокультурных мигрантов) и 2001 год (создано Министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции — Ministeriet for flygtninge, indvandrere og integration). До 2001 года политика в сфере иммиграции и интеграции находилась в ведении восьми министерств; каждое из них имело свою зону ответственности: Министерство внутренних дел (ответственное за интеграцию), Министерство юстиции (натурализация), Министерство образования (обучение датскому языку), Министерство финансов (привлечение работодателей к интеграции мигрантов), Министерство жилищного строительства и городов (сегрегация и расселение), Министерство социальных дел (социальная помощь иммигрантам и беженцам), Министерство труда (адаптация на рынке труда) и Министерство бизнеса (бизнес иммигрантов) [19, р. 2]. Таким образом, с 2001 года интеграция мигрантов стала самостоятельной областью иммиграционной политики со своим собственным законодательством, целями и объектами регулирования.

В принятом правительством социал-демократов Законе об интеграции⁴ говорилось, что он направлен на социальную адаптацию беженцев и мигрантов по воссоединению семей и не распространяется на мигрантов из стран Скандинавии и ЕС. Политика интеграции должна способствовать участию мигрантов в жизни общества наравне с гражданами, самообеспечению мигрантов, принятию культуры датского общества. Интеграция мигрантов предусматривает обучение языку, профессиональную подготовку к участию на рынке труда, выплату пособий мигрантам, не способным самостоятельно обеспечивать себя. Важная роль отведена муниципалитетам. После выдачи беженцу вида на жительство иммиграционная служба направляет его в один из муниципалитетов, в отличие от Швеции, где беженцу предоставлена свобода выбора [20, р. 2563]. С этого момента ответственность перешла

⁴ Lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationslov), 1998, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/1ta/1998/474> (дата обращения: 11.11.2021).

дит к муниципалитетам, разрабатывающим и реализующим свои программы интеграции. На муниципальном уровне создавались Советы по интеграции, в которые вошли представители объединений мигрантов.

Ограничительные тенденции в законодательстве усилились с приходом в фолькетинг праворадикальной Датской народной партии (ДНП) в 1998 году, требовавшей ужесточить иммиграционную политику с явным антимусульманским уклоном. В 2001 году поправка в Закон об иностранцах отменила статус беженца де-факто и ввела статус защиты, что означало отказ в предоставлении убежища лицам, если не доказано, что на родине для них существует угроза жизни. С трех до семи лет увеличены сроки пребывания в стране иностранцам для получения бессрочного ВНЖ.

По мнению датского исследователя С. Лагаарда, начиная с 2001 года антимультимкультурализм де-факто становится господствующей идеологией в Дании [21, р. 172]. Это связано с дебатами вокруг «политики ценностей», инициированных премьер-министром правоцентристского правительства Андерсом Фог Расмуссеном, в центре внимания которых оказались иммиграция и мультикультурализм. Правительство выступало за принятие ограничительного («твердого и справедливого») иммиграционного законодательства и осуждение мультикультурализма. В центре политического дискурса оказались мусульмане как меньшинство, которое наиболее трудно интегрировать в датское общество. Мусульманские обычаи зачастую воспринимались как культурный барьер для успешной интеграции. Под влиянием ДНП правоцентристское правительство уделяло внимание вопросам национальной идентичности, включая знание мигрантами истории Дании. В 2006 году введено руководство по преподаванию истории для начальной школы, а на следующий год (2007) — тест на получение датского гражданства, основу которого составили знания датской истории. В 2009 году правительство дополнило тест на гражданство также знаниями о демократии.

В очередной раз иммиграционное законодательство ужесточилось в 2010 году, когда ДНП потребовала отмены предоставления негражданам, за исключением Скандинавских стран, избирательных прав. (С 1981 года Дания, одна из первых в Европе, предоставила иностранцам-резидентам право участия на муниципальных и региональных выборах.) В 2010 году также был увеличен с трех до четырех лет срок проживания в стране, необходимый иностранцам для участия в местных и региональных выборах (в выборах в фолькетинг участвуют только граждане Дании).

Очередной этап эволюции иммиграционной политики связан с приходом к власти левоцентристского правительства в 2011 году, которое провело децентрализацию интеграционной политики на национальном уровне. Министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции упразднилось, а его функции были разделены между Министерством юстиции (контроль иммиграционной службы, предоставление убежища и натурализация), Министерством занятости (интеграция мигрантов и беженцев), Министерством по делам детей и образования (интеграция детей и молодежи) и Министерством социальных дел и интеграции (руководство общей политикой интеграции). Необходимость децентрализации объяснялась стремлением исключить из управленческой практики дихотомию в отношении к мигрантам по принципу «мы — они», сделав политику интеграции мигрантов частью общенациональной социальной политики. Критики реформы, напротив, видели недостатки в отсутствии органа, ответственного за конечный результат интеграции. Также было восстановлено прежнее требование о трехлетнем проживании иностранцев для участия в выборах.

Поправка (2013) в Закон об интеграции требовала, чтобы муниципалитеты предлагали всем вновь прибывшим беженцам подписывать обязательный договор интеграции и Декларацию об интеграции и активном гражданстве. Договор

интеграции предусматривал цели и этапы интеграции, инструменты и меры для достижения целей. Муниципалитеты обязаны следить, чтобы договор выполнялся, и налагать санкции в случае его нарушения (§ 19—20). Санкции, в частности, предусматривают ограничения к получению статуса постоянного резидента и доступа к гражданству. В Декларации об интеграции и активном гражданстве беженцы должны подтвердить свою готовность соблюдать датское законодательство, уважать демократические принципы, изучать датский язык, признавать гендерное равенство, уважать свободу совести и свободу слова, воздерживаться от терроризма. При этом договор об интеграции и Декларацию об интеграции и активном гражданстве заключают только беженцы и члены их семей, это требование не распространяется на трудовых мигрантов и иностранных студентов.

Таким образом, в Дании за 30 лет произошла эволюция политико-управленческих подходов в сфере иммиграционной политики, в результате чего объектом рестриктивного регулирования стали мигранты из незападных стран, а приоритеты сместились на ограничение их притока в страну и интеграцию уже прибывших. Мигрантов, ищущих убежища, современное датское законодательство рассматривает исключительно как временных. Процесс интеграции приобрел реципрокный характер, то есть предусматривает усилия как мигрантов, так и принимающего общества, самообеспечение мигрантов через рынок труда и усвоение ими гражданских ценностей через участие в делах местных сообществ на муниципальном уровне.

Реакция на миграционный кризис

Миграционный кризис 2015 года был обусловлен резким увеличением притока лиц, ищущих убежища. Среди Скандинавских стран наибольший приток мигрантов был зарегистрирован в Швеции (156 тыс. чел.). В Норвегии и Дании он был значительно ниже (30 тыс. и 21 тыс. соответственно). В пропорциональном отношении Дания также выглядит менее пострадавшей от наплыва просителей убежища: 43 % по сравнению с 2014 годом (3679 чел. на млн населения), Швеция — 108 % (16 016), Норвегия — 179 % (5898)⁵. Эксперты объясняют эти величины тем, что Дания еще до кризиса имела имидж страны с ограничительной иммиграционной политикой, что отпугивало потенциальных мигрантов. Тем не менее Дания в ходе кризиса еще более ужесточила меры в отношении просителей убежища. Вслед за ней Швеция и Норвегия в конце 2015 — начале 2016 года усилили контроль на границах и приняли законодательные ограничения, учитывая перегруженность национальных социальных служб.

В отличие от других стран Скандинавии Дании не пришлось кардинально менять иммиграционное законодательство. Но даже на этом фоне новые изменения в предоставлении убежища были жесткими. Это вызвало критику со стороны руководства ЕС, особенно относительно поправки к Закону об иностранцах (законопроект № 87⁶) в январе 2016 года, дающей полиции право конфисковать имущество лиц, ищущих убежища, для покрытия расходов на их пребывание в Дании. Согласно поправке лица, ищущие убежища, въезжающие в страну с активами на сумму более 10 000 крон (около 1450 дол. США), должны помочь в финансировании своего пребывания в центрах убежища, расходов на медицинское обслуживание. Увеличился срок доступа к воссоединению семей беженцев с 1 года до 3 лет, а для полу-

⁵ Eurostat, 2021, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/> (дата обращения: 11.11.2021).

⁶ L 87 Forslag til lov om ændring af udlændingeloven, 2015, *Forside / Folketinget*, URL: <https://www.ft.dk/samling/20151/lovforslag/L87/index.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

чения бессрочного вида на жительство — до 6 лет (для всех иммигрантов). Причем ужесточающие поправки были приняты парламентом подавляющим большинством голосов (81/27), что свидетельствует о прочном консенсусе основных политических партий по целям и методам иммиграционной политики. Несмотря на критику со стороны УВКБ ООН и руководства ЕС, обвинения Дании в нарушении международно-правовых норм, либерализация в иммиграционном законодательстве не последовала. Дания не вошла в Общую европейскую систему убежища (CEAS), созданную ЕС в 1999 года для выработки общих стандартов и правил к приему просителей убежища.

Правительство Дании провело дальнейшие ограничения в доступе к социальным пособиям для вновь прибывших мигрантов. Изменение в сентябре 2015 года вводило новое пособие по интеграции (*integrationsydelse*), заменяющее социальную помощь для лиц, которые не были в стране минимум семь из последних восьми лет. Для других адресатов пособий были снижены выплаты, если общий размер пособий (социальная помощь плюс жилье и детские пособия) превышал определенную правительством сумму. Основное условие: такие мигранты — это беженцы или лица, прибывшие по линии воссоединения семей, — обязаны отработать не менее 225 ч в год (25 дней с воскресеньями — месяц), чтобы иметь право на интеграционное пособие или социальную помощь. Теперь семьи мигрантов и беженцев с детьми имели доход ниже 50 % от среднего национального дохода [22]. Было введено пособие по интеграционному образованию (*integrationuddannelsesydelsern*, IGU). Это двухлетняя программа для вновь прибывших беженцев и лиц, воссоединившихся со своими семьями. Они распределяются по муниципалитетам, где их квалификация соответствует спросу на рынке труда и где они параллельно изучают датский язык. В 2020 году 37 % беженцев в возрасте 21—64 лет и членов их воссоединенных семей с 3-летним проживанием в Дании имели оплачиваемую работу⁷. Наиболее серьезная проблема в реализации трудового участия мигрантов — низкая востребованность их труда (на май 2020 года лишь 56 % мигрантов-мужчин и 49 % мигрантов-женщин незападного происхождения были трудоустроены⁸).

В 2018 году правоцентристское правительство запретило ношение паранджи. Закон обязывает мигрантов, проживающих в гетто, отправлять своих детей на обучение гражданским ценностям. С января 2019 года церемония натурализации должна сопровождаться для новых граждан, независимо от пола, рукопожатием. По мнению экспертов, нововведение направлено на консервативных мусульман.

В феврале 2019 года датский парламент принял законопроект (L 140⁹), смещающий акцент с интеграции на репатриацию, в том числе тех, кто не имеет постоянного статуса, и беженцев по квоте ООН. В 2019 году правительство Дании декларировало проект острова Линдхольм для размещения отклоненных просителей убежища, которые были осуждены за преступления и отбыли наказание, но не могут быть депортированы по разным причинам.

Международный индекс интеграции мигрантов (MIPEX)¹⁰ в 2020 году отнес Данию (48 баллов, 32-е место) к третьей группе стран (всего четыре), обеспечива-

⁷ Hvor mange er i arbejde? 2021, *Det nationale integrationsbarometer — Integrationsbarometer*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/aktuelt/7> (дата обращения: 11.11.2021).

⁸ Beskæftigelse, 2021, *Det nationale integrationsbarometer — Integrationsbarometer*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/beskaeftigelse> (дата обращения: 11.11.2021).

⁹ L 140, 2021, *Forside / Folketinget*, URL: <https://www.ft.dk/samling/20181/lovforslag/1140/index.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁰ MIPEX 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/key-findings> (дата обращения: 12.11.2021).

ющих временную интеграцию¹¹. Иммигранты в этих странах пользуются основными правами и возможностями, но сталкиваются с препятствиями к долгосрочному пребыванию, поскольку не рассматриваются как потенциальные граждане. Для сравнения Швеция (86 баллов) входит в топ-5 стран, правительства которых воспринимают мигрантов как потенциальных граждан, Норвегия находится на 14-м месте (69 баллов).

Политический дискурс вокруг иммиграции

Исследователи считают, что анализ взаимосвязи дискурса миграционных проблем с формированием иммиграционной политики помогает понимать изменения в регулировании интеграции мигрантов. Реакция на кризис с беженцами в Скандинавских странах пошла по пути ужесточения требований к просителям убежища, но эти решения опирались на разное соотношение мотиваций политических сил. Швеция и Норвегия вначале исходили из гуманитарных обязательств и готовности принять беженцев. По мнению А. Хагелунд из университета Осло, в отличие от политического истеблишмента других Скандинавских стран в Дании не было подобной потребности в легитимации более строгой иммиграционной политики с опорой на коммуникативный дискурс общественности, поскольку таковая уже имела значительную общественную поддержку [23]. Результаты исследования медийного дискурса в скандинавской прессе, проведенного учеными из проекта SCANPUB в период иммиграционного кризиса 2015—2016 годов, показали сильные колебания СМИ в отношении к просителям убежища. В СМИ ситуация с беженцами в странах Скандинавии в ходе кризиса воспринималась сначала как гуманитарная трагедия, затем как своего рода «вторжение» [24, р. 352].

Европейская служба изучения общественного мнения «Евробарометр» в 2017 году провела специальное исследование об отношении европейцев к интеграции иммигрантов из незападных стран¹². Доля датчан (70 %), согласных с тем, что интеграция иммигрантов является успешной на национальном и местном уровнях, выше, чем в Швеции (46 %) и ЕС (54 %). В то же время большинство опрошенных датчан (73 %) уверены, что иммигранты усугубляют проблему преступности (шведы — 61 %; жители ЕС в целом — 55 %). С утверждением, что иммигранты отнимают у граждан рабочие места, согласны 39 % европейцев, 23 % датчан и лишь 12 % шведов. Респонденты во всех странах ЕС (62 %) указывают на важность для интеграции иммигрантов их участия в системе социального обеспечения путем уплаты налогов, при этом доля скандинавских респондентов заметно выше — у датчан 81 %, у шведов 78 %. Примечательно, что среди респондентов из 28 стран ЕС больше всего в Дании (50 %) и Швеции (58 %) считают, что правительство прилагает недостаточно усилий для интеграции мигрантов. Дания также лидировала среди стран ЕС, чьи граждане утверждают, что СМИ представляют мигрантов в негативном свете (59 % датчан, 36 % европейцев).

Обсуждение атак мужчин-мигрантов на женщин в Кёльне (под Новый 2016 год) и волны терактов в Европе катализировали процесс секьюритизации инокультурной миграции. Для датского политического дискурса характерно объединение тем иммиграции с темами преступности и безопасности. Бывший министр иммиграции и интеграции Дании И. Стойберг (2015—2019) указывала на значительное пре-

¹¹ “Temporary Integration” 2021, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/denmark> (дата обращения: 11.11.2021).

¹² Special Eurobarometer 469. Integration of immigrants in the European Union. Fieldwork October 2017, 2018, 271 p., *European Migration Law*, URL: <http://www.europeanmigrationlaw.eu/documents/EuroBarometer-IntegrationOfMigrantsintheEU.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).

вышение доли мигрантов и их потомков из западных стран среди осужденных преступников (255 % по сравнению с коренными датчанами)¹³. Она отмечала и общественную опасность совершаемых преступлений (уличные перестрелки, насильственные преступления, совершаемые бандами). Так, группировка выходцев из Сомали «Black Army» заставляла бездомных в Фоллсмозе отдавать денежные пособия и продавать наркотики, запугивая путем избиений, отрезания пальцев, убийств, в том числе и представителей власти. По мнению И. Стойберг, банды иммигрантов из африканских стран — дестабилизирующий фактор в силу беспрецедентной готовности к насилию и демонстрационному нежеланию к интеграции. Программы ресоциализации для них не работают, единственный выход — их депортация.

Негативный дискурс вокруг мигрантов из западных (преимущественно мусульманских) стран политически артикулирован и влияет на процесс принятия решений. Масштабное статистическое исследование 2019 года выявило значительное превышение национального индекса преступности (принят за 100) иммигрантами во втором поколении из Ливана (373), Сомали (313), Сирии (287), Пакистана (276), Марокко (265), Ирака (229), Турции (247)¹⁴, что свидетельствует о низком интеграционном потенциале выходцев из данных стран. Как уже отмечалось, в ноябре 2020 года. Министерство иммиграции и интеграции Дании ввело новую классификацию мигрантов (этнических меньшинств), выделив среди мигрантов западного происхождения выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока с учетом у них более высокого уровня преступности и более низкого уровня занятости¹⁵.

Правая и политическая повестка в сфере иммиграции

Иммиграционный контроль и интеграция мигрантов — острая политическая тема в предвыборных дебатах XXI века. На выборах в 2015 году ДНП удвоила свою долю голосов и стала второй партией в парламенте. Проведя избирательную кампанию с лозунгами ограничения миграции, партия приобрела сторонников за пределами больших городов, где экономический рост был медленным и сократилась государственная помощь. После этих выборов ДНП оказала решающую поддержку правительству правоцентристского меньшинства во главе с премьер-министром Ларсом Локке Расмуссеном, хотя не входила в состав правительства. Для традиционных партий Дании это создало эффект «латентного» завоевания избирателей: члены правящей партии Венстре — премьер-министр Л.Л. Расмуссен, министр иммиграции и интеграции И. Стойберг — повлияли на увеличение электоральной поддержки своей партии.

Дания, как и Швеция, подтверждает общую тенденцию роста популярности праворадикальных партий в ЕС [25, с. 183]. До 1980-х годов правые радикалы в европейских странах стигматизировались как маргиналы и не пользовались успехом на выборах. Постепенный рост электоральной поддержки от 1 (вторая поло-

¹³ Immigrant gangs plague Denmark and the only solution is deportation: former immigration minister, 2020, *Remix News*, URL: <https://rmx.news/article/commentary/immigrant-gangs-plague-denmark-and-the-only-solutin-is-deportation-former-immigration-minister> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁴ Indvandrerne i Danmark 2020, 2020, *Danmarks Statistik*, Udgivet af Danmarks Statistik. December 2020, p. 108. URL: <https://www.dst.dk/Site/Dst/Udgivelser/GetPubFile.aspx?id=29447&sid=indv2020> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁵ Denmark: New statistics category for migrants from Muslim countries, 2020, *European Commission*, URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/denmark-new-statistics-category-for-migrants-from-muslim-countries> (дата обращения: 11.11.2021).

вина 1980-х годов) до 15,4 % (2018)¹⁶ оказывает качественные изменения в электоральных предпочтениях избирателей в Европе, реагирующих на размывание национальной идентичности и другие последствия либеральной иммиграционной политики. В либеральных демократиях происходит смешение программно-политических и идеологических позиций партий и движений, что объясняется эффектом институционального изоморфизма [26, с. 36]. В политической науке используется схожее понятие — «эффект заражения» (contagion effect), введенное М. Дюверже. Современные исследователи указывают на «эффект заражения», возникающий вследствие электорального успеха праворадикальных партий (far-right contagion) [27, р. 417]. Этаблированные партии перехватывают политическую повестку, артикулируемую лидерами праворадикальных партий.

Выборы в парламент в 2019 году преподнесли сюрприз — ДНП потерпела поражение (8,7 % голосов вместо 21,1 % в 2015 году). Ситуация, на первый взгляд, странная. Основной темой избирательной кампании была иммиграция, а она является главным пунктом программы ДНП. Но бенефициарами стали Социал-демократическая партия (25,9 %) и либерально-консервативная Венстре (23,4 %). Основные причины провала ДНП — «перехват повестки» рестриктивной иммиграционной политики правительством Расмуссена, приведшей к резкому сокращению притока беженцев. Произошел и явный сдвиг вправо социал-демократов, поддерживавших в фолькетинге в предыдущие четыре года антииммиграционные законы, проголосовавших вместе с правительством более чем в 90 % случаев [28]. Н.С. Плевако, характеризуя итоги парламентских выборов 2019 года, отмечает: «...И правоцентристские партии и ДНП, а теперь и социал-демократы связывают спасение государства благосостояния с рестриктивной политикой по отношению к иммигрантам и беженцам, ибо в них видят незаконных потребителей социальных благ» [29, с. 45].

Третьего июня 2021 года фолькетинг принял закон, позволяющий депортировать просителей убежища в страны за пределами Европы, игнорируя призывы отменить законодательство со стороны НПО и Организации Объединенных Наций. Законопроект был внесен социал-демократическим правительством во главе с премьер-министром Метте Фредериксен («за» проголосовали 70 депутатов, «против» — 24). «Если вы подаете заявление о предоставлении убежища в Дании, вы знаете, что вас отправят обратно в страну за пределами Европы, и поэтому мы надеемся, что люди перестанут искать убежища в Дании», — сказал официальный представитель правительства Расмус Стоклунд, цитируемый информационным агентством Reuters¹⁷. Дела о предоставлении убежища будут рассматриваться в третьей стране, и заявителю потенциально может быть предоставлена защита в этой стране. Правозащитные организации опасаются, что теперь существует риск того, что страны, принимающие большее количество беженцев, также откажутся от участия. В мае 2021 года Дания подписала миграционное соглашение с Руандой, что привело к предположению, что она намеревается открыть там центр.

Такими образом, в Дании сформировался консенсус основных политических сил относительно целей и методов иммиграционной политики. Интересы национальной безопасности доминируют над гуманитарными обязательствами, проявляясь в максимально возможном ограничении доступа иммигрантов к системам государства благосостояния.

¹⁶ *Timbro Authoritarian Populism Index 2019*, 2019, URL: <https://populismindex.com/wp-content/uploads/2019/02/TAP2019C.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).

¹⁷ Denmark asylum: Law passed to allow offshore asylum centres, 2021, *BBC news*, 03.06.2021, URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-57343572> (дата обращения: 24.09.2021).

Политика интеграции мигрантов на муниципальном уровне

Муниципалитеты — активные участники в сфере интеграции мигрантов, их политика, особенно крупных муниципалитетов, имеет немало новаций. Например, Орхус, второй по численности город Дании, первым приступил к формированию политики интеграции (1996), на три года раньше, чем это произошло на национальном уровне. В дальнейшем муниципалитет Орхуса предпринимал самостоятельные усилия (создание экспертно-аналитического центра, изучение британского опыта, разработка программ интеграции). Более того, бывший мэр Орхуса Т. Симонсен в 1997 году был назначен министром внутренних дел и инициировал принятие Закона об интеграции [30, р. 328]. Основная цель политики интеграции — обеспечение социальной сплоченности через достижение равенства прав, обязанностей, возможностей участия в жизни города для представителей этнокультурных меньшинств. Гражданское участие поощряется посредством формальных и неформальных сетей, площадок для диалога муниципалитета с мигрантами, встреч и слушаний, вплоть до участия иммигрантов в разработке и реализации политики интеграции. Политика интеграции определяет цели и результаты в четырех целевых областях — социальное гражданство, антидискриминация, образование, занятость и жилье.

Еще один пример — политика муниципальных властей Копенгагена в отношении мигрантов, по мнению экспертов, включающая принципы мультикультурализма, хотя, как говорилось выше, он в Дании критиковался. Власти Копенгагена определяют два аспекта в политике интеграции: 1) решение социальных проблем в таких областях, как школа, образование, занятость, здравоохранение и городское планирование; 2) гражданская активность, борьба с дискриминацией, участие в ассоциациях и обеспечении безопасности города.

Копенгаген для измерения результатов интеграционной политики первым (2006) внедрил такой инструмент, как «барометр интеграции», измеряющий ее по индикаторам: трудоустройство, образование, знание языка, гражданская активность, дискриминация, самоопределение и гендерное равенство, районы гетто, преступность.

Муниципалитеты Дании обладают значительной свободой и независимостью в управлении интеграционной политикой и адаптируют ее в разных направлениях. Этому способствует выборность руководящих органов власти на региональном (окружном) и муниципальном уровнях. Закон о местном самоуправлении (2010) расширил полномочия муниципалитетов в решении задач местного сообщества. Общая основа политики разрабатывается центральным правительством, а реализуется на местном уровне. Государство обеспечивает социальные пособия, но практически все социальные выплаты осуществляются муниципальными органами власти, в частности выплата пособий и программы помощи беженцам и иммигрантам. Муниципалитеты для своих программ также используют финансирование из фондов ЕС, например *URBACT* (*Urban Action*)¹⁸. Европейская программа городского развития оказывает поддержку в разработке и реализации концепций, включая социальную интеграцию и содействие занятости (участвуют 8 городских муниципалитетов). Ее финансируют Европейский фонд регионального развития (ERDF), а также Норвегия и Швейцария. С 2016 года в программе участвует г. Орхус, разработавший собственную концепцию активного гражданства.

Выводы

Таким образом, иммиграционная политика Королевства Дания, регулярно становящаяся объектом критики со стороны руководства Евросоюза и ряда стран-членов за нарушения международных норм в сфере прав человека и предоставления

¹⁸ *URBACT i Danmark*, 2021, URL: <https://urbact.eu/urbact-i-danmark> (дата обращения: 14.11.2021).

убежища, за прошедшие два десятилетия лишь усилила свой рестриктивный вектор. Консенсус крупных политических партий обеспечил праворадикальную антииммиграционную повестку, что помогло социал-демократам и Венстре сохранить доминирующее положение, а в 2019 году на парламентских выборах нанести поражение ДНП.

Датский ответ на мультикультурализм был преимущественно негативным. Иммиграция граждан из третьих стран, способствующая размыванию национальной идентичности, воспринималась правительством как проблема, а праворадикалами как угроза, а не как ресурс. И в СМИ, и в общественном мнении инокультурные мигранты все чаще рассматривались как бремя для праворадикальной повестки «государства благосостояния для своих» и стигматизировались. Такой дискурс прочно укоренился в Дании, что легитимизировало постоянство курса на ужесточение иммиграционной политики независимо от смены правительства. Ответом на угрозы размывания датской идентичности стала политика интеграции инокультурных мигрантов, в которой рестрикция сочеталась с усвоением гражданских ценностей через практики участия мигрантов в делах местного сообщества. Большое значение придается трудоустройству беженцев. Дания выработала многоуровневое управление в сфере интеграции мигрантов, в котором муниципалитеты обладают большой самостоятельностью.

Дания, которая одной из первых в Евросоюзе приняла закон об интеграции мигрантов, идет в авангарде европейских либеральных демократий и в части пересмотра взглядов на обязательства по приему беженцев. Новый подход состоит в том, что предоставление убежища осуществляется за пределами Евросоюза, чтобы люди получали защиту в непосредственной близости от конфликтов, как это происходит с открытием центра по приему беженцев в Руанде. Мы характеризуем политику Дании в сфере интеграции мигрантов в целом как прагматичную, исходящую из интересов принимающего общества, ориентированную на мигрантов из западных стран с высоким интеграционным потенциалом и предоставляющую возможности тем инокультурным мигрантам, которые стараются стать полноценными гражданами развитого демократического государства и вносить вклад в его благосостояние.

Список литературы

1. Jørgensen, M. 2011, Understanding the research — policy nexus in Denmark and Sweden: The field of migration and integration, *British Journal of Politics & International Relations*, no. 13 (1), p. 93—109. doi: 10.1111/j.1467—856X.2010.00441.x.
2. Jensen, K. K., Fernández, C., Brochmann, G. 2017, Nationhood and Scandinavian naturalization politics: varieties of the civic turn, *Citizenship Studies*, № 21 (5), p. 606—624. doi: 10.1080/13621025.2017.1330399.
3. Scholten, P., Baggerman, F., Dellouche, L. et al. 2017, *Policy Innovation in Refugee Integration? A Comparative Analysis of Innovative Policy Strategies toward Refugee Integration in Europe*, Rotterdam: Erasmus Migration and Diversity Institute, 95 p.
4. Olwig, K., Romme Larsen, B., Rytter, M. (eds.) 2013, *Migration, Family and the Welfare State: Integrating Migrants and Refugees in Scandinavia*, Routledge, 186 p.
5. Brochmann, G., Hagelund, A. 2012, *Immigration policy and the Scandinavian welfare state 1945—2010*, Houndmills, Palgrave Macmillan, 297 p.
6. Olwig, K. 2011, “Integration”: Migrants and Refugees between Scandinavian Welfare Societies and Family Relations, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, № 37, p. 179—196. doi: 10.1080 / 1369183X.2010.521327.
7. Sainsbury, D. 2012, *Welfare states and immigrant rights: the politics of inclusion and exclusion*, Oxford, Oxford University Press, 326 p.
8. Бутенко, В. А. 2020, Трансформация интеграционной политики Дании, *Вестник Поволжского института управления*, Т. 20, № 4, с. 24—30.

9. Волков, А. М. 2020, Миграционные потоки в странах Северной Европы, *Вестник Дипломатической академии МИД России*, № 1 (23), с. 126—142.
10. Паникар, М. М., Васева, О. А. 2015, Специфика миграционных процессов на севере Европы (на примере Королевства Дания), *Арктика и Север*, № 21, с. 42—51.
11. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2020, Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании, *Балтийский регион*, Т. 12, № 3, с. 55—71. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4.
12. Шадрин, О. Н., Матвеева, Е. А. 2020, Современное состояние миграционной политики Дании в зеркале статистики (2015—2020 гг.), *Гуманитарный Научный вестник*, № 7, с. 1—10. doi: <http://doi.org/10.5281/zenodo.3979356>.
13. Van Klingeren, M., Boomgaarden, H. G., Vliegthart, R., de Vreese, C. H. 2015, Real world is not enough: The media as an additional source of negative attitudes toward immigration, comparing Denmark and the Netherlands, *European Sociological Review*, № 31 (3), p. 268—283. doi: 10.1093/esr/jcu089.
14. Madsen, J. 2004, *Mediernes konstruktion af flygtninge- og indvandrerspørgsmålet*, Magtudredningen, 95 p.
15. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, № 41 (6), p. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
16. Kanellopoulos, K., Duru, D. N., Zschache, U., Loukakis, A., Kousis, M., Trenz, H.-J. 2020, Transnational Solidarity, Migration, and the Refugee Crisis. In: Formal Organizing and Political Environments in Greece, Germany, and Denmark, *Sociological Research Online*, July. doi: 10.1177/1360780420937030.
17. De Genova, N. 2018, The ‘migrant crisis’ as racial crisis: Do Black Lives Matter in Europe? *Ethnic & Racial Studies*, № 41 (10), p. 1765—1782. doi: 10.1080/01419870.2017.1361543.
18. Koos, S., Seibel V. 2019, Solidarity with refugees across Europe. A comparative analysis of public support for helping forced migrants, *European Societies*, № 21 (5), p. 704—728. doi: 10.1080/14616696.2019.1616794.
19. Jørgensen, M. B. 2014, *Decentralizing immigrant integration: Denmark’s mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs*, Brussels, Migration Policy Institute Europe, 32 p.
20. Borevi, K., Bengtsson, B. 2015. The tension between choice and need in the housing of newcomers: A theoretical framework and an application on Scandinavian settlement policies. *Urban Studies*, № 52 (14), p. 2599—2615. doi: 10.1177/0042098014548137.
21. Lægaard, S. 2013, Danish Anti-Multiculturalism? The Significance of the Political Framing of Diversity. In: Kivisto, P., Wahlbeck, Ö. (eds.), *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States*, p. 170—196, Palgrave Macmillan, Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series, 345 p.
22. Kvist, J. 2018, First results of the U-turn in Danish migration and integration policies, *ESPN Flash Report*, URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=19985&langId=en> (accessed 12.01.21).
23. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8 (13). doi: 10.1186/s40878-019-0169-8.
24. Hovden, J., Mjelde, H., Gripsrud, J. 2018, The Syrian refugee crisis in Scandinavian newspapers, *Communications*, № 43 (3), p. 325—356. doi: 10.1515/commun-2018-0013.
25. Шапаров, А. Е., Синькова, Е. В. 2020, Демаргинализация правого радикализма в европейском политическом процессе, *Современная Европа*, № 5, с. 182—192. doi:10.15211/soveurope52020182192.
26. DiMaggio, P. J., Powell, W. W. 2010, A new look at the “iron cage”: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields, *Economic sociology*, vol. 11, № 1, p. 34—56.
27. Rydgren, J. 2005, Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party family, *European Journal of Political Research*, № 44, p. 413—437. doi: 10.1111/j.1475-6765.2005.00235.x.
28. Kampmark, B. 2019, The Danish Elections: Social Democracy with an Inhumane Face, *CounterPunch*, 12 June, URL: <https://www.counterpunch.org/2019/06/12/the-danish-elections-social-democracy-with-an-inhumane-face/> (accessed 21.01.2021).

29. Плевако, Н. С. 2019, Парламентские выборы в Дании, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 3 (9), с. 42—48 (стр. 45).

30. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339. doi: 10.1177/0020852315586309.

Об авторах

Владимир Михайлович Капицын, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: kapizin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9693-6844>

Арбахан Курбанович Магомедов, доктор политических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: armagomedov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Александр Евгеньевич Шапаров, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

IMMIGRATION POLICY AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN THE KINGDOM OF DENMARK AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

V. M. Kapitsyn¹

A. K. Magomedov²

A. E. Shaparov³

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

² Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia

³ Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov,
17 Nab. Severnaya Dvina, Arkhangelsk, 163002, Russia

Received 30.04.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7

© Kapitsyn, V. M., Magomedov A. K.,
Shaparov, A. E., 2022

Denmark upholds high standards of human rights as long as the interests of its citizens are concerned but erects barriers for migrants with a dissimilar cultural background who might threaten the security of the national community. The Danish tradition of liberalism, humanism and the welfare state coexists with one of Europe's most restrictive policies towards third-country immigrants. This article traces the evolution of management approaches to developing the immigration policy and integrating foreign cultural migrants in Denmark; the value determinants of these changes are described. Using the neo-institutional methodology, the authors analyse how the value determinants of Denmark's immigration policy evolved and look at the national norms and practices of integrating migrants having a different cultural background. A restrictive immigration policy was made possible by a consensus between the main political forces — the left Social Democratic Party and the right Liberal Party Venstre, both willing to keep in check electoral support for the radical right-wing parties (the effect of 'contagion from the right' in Maurice Duverger's terms). The object of Denmark's restrictive integration policy is migrants with a different cultural background (mainly from Muslim countries). The government takes systematic measures to restrict their access to the country. As to migrant integration, the focus has shifted to 'hard' assimilation of civic democratic values, benefits linked to employment, and deportation of migrants who have committed crimes.

Keywords:

immigration policy, Denmark, integration of migrants, refugees, political parties, securitisation of migration, identity

References

1. Jørgensen, M. 2011, Understanding the research — policy nexus in Denmark and Sweden: The field of migration and integration, *British Journal of Politics & International Relations*, № 13 (1), p. 93—109. doi: 10.1111/j.1467856X.2010.00441.x.
2. Jensen, K. K., Fernández, C., Brochmann, G. 2017, Nationhood and Scandinavian naturalization politics: varieties of the civic turn, *Citizenship Studies*, № 21 (5), p. 606—624. doi: 10.1080/13621025.2017.1330399.
3. Scholten, P., Baggerman, F., Dellouche, L. et al. 2017, *Policy Innovation in Refugee Integration? A Comparative Analysis of Innovative Policy Strategies toward Refugee Integration in Europe*, Rotterdam: Erasmus Migration and Diversity Institute, 95 p.
4. Olwig, K., Romme Larsen, B., Rytter, M. (eds.) 2013, *Migration, Family and the Welfare State: Integrating Migrants and Refugees in Scandinavia*, Routledge, 186 p.
5. Brochmann, G., Hagelund, A. 2012, *Immigration policy and the Scandinavian welfare state 1945—2010*, Houndmills, Palgrave Macmillan, 297 p.
6. Olwig, K. 2011, "Integration": Migrants and Refugees between Scandinavian Welfare Societies and Family Relations, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, № 37, p. 179—196. doi: 10.1080/1369183X.2010.521327.
7. Sainsbury, D. 2012, *Welfare states and immigrant rights: the politics of inclusion and exclusion*, Oxford, Oxford University Press, 326 p.
8. Butenko, V. A. 2020. Transformation of the integration policy of Denmark, *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Institute of Management], vol. 20, № 4, p. 24—30 (in Russ.).
9. Volkov, A. M. 2020. Migration flows in the Nordic countries, *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry], no. 1 (23), p. 126—142 (in Russ.).
10. Panikar, M. M., Vaseva, O. A. 2015. Specificity of migration processes in the north of Europe (on the example of the Kingdom of Denmark), *Arktika i Sever* [Arctic and North], № 21, p. 42—51 (in Russ.).
11. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020. Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 3, p. 55—71. doi:10.5922/2079-8555-2020-3-4.
12. Shadrina, O. N., Matveeva, E. A. 2020. The current state of the migration policy of Denmark in the mirror of statistics (2015—2020), *Gumanitarnyi Nauchnyi Vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], № 7, p. 1—10. doi: <http://doi.org/10.5281/zenodo.3979356> (in Russ.).

13. Van Klingeren, M., Boomgaarden, H. G., Vliegthart, R., de Vreese, C. H. 2015, Real world is not enough: The media as an additional source of negative attitudes toward immigration, comparing Denmark and the Netherlands, *European Sociological Review*, № 31 (3), p. 268—283. doi: 10.1093/esr/jcu089.
14. Madsen, J. 2004, *Mediernes konstruktion af flygtninge- og indvandrerspørgsmålet*, Magtudredningen, 95 p.
15. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, № 41 (6), p. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
16. Kanellopoulos, K., Duru, D. N., Zschache, U., Loukakis, A., Kousis, M., Trenz, H-J. 2020, Transnational Solidarity, Migration, and the Refugee Crisis. In: Formal Organizing and Political Environments in Greece, Germany, and Denmark, *Sociological Research Online*, July. doi: 10.1177/1360780420937030.
17. De Genova, N. 2018, The 'migrant crisis' as racial crisis: Do Black Lives Matter in Europe? *Ethnic & Racial Studies*, № 41 (10), p. 1765—1782. doi: 10.1080/01419870.2017.1361543.
18. Koos, S., Seibel V. 2019, Solidarity with refugees across Europe. A comparative analysis of public support for helping forced migrants, *European Societies*, № 21 (5), p. 704—728. doi: 10.1080/14616696.2019.1616794.
19. Jørgensen, M. B. 2014, *Decentralizing immigrant integration: Denmark's mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs*, Brussels, Migration Policy Institute Europe, 32 p.
20. Borevi, K., Bengtsson B. 2015. The tension between choice and need in the housing of newcomers: A theoretical framework and an application on Scandinavian settlement policies. *Urban Studies*, № 52 (14), p. 2599—2615. doi: 10.1177/0042098014548137.
21. Lægaard, S. 2013, Danish Anti-Multiculturalism? The Significance of the Political Framing of Diversity. In: Kivisto, P., Wahlbeck, Ö. (eds.), *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States*, p. 170—196, Palgrave Macmillan, Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series, 345 p.
22. Kvist, J. 2018, First results of the U-turn in Danish migration and integration policies, *ESPN Flash Report*, URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=19985&langId=en> (accessed 12.01.21).
23. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8 (13). doi: 10.1186/s40878-019-0169-8.
24. Hovden, J., Mjelde, H., Gripsrud, J. 2018, The Syrian refugee crisis in Scandinavian newspapers, *Communications*, № 43 (3), p. 325—356. doi: 10.1515/commun-2018-0013.
25. Шапаров, А. Е., Sinkova, E. V. 2020. Demarginalization of right-wing radicalism in the European political process, *Sovremennaya Evropa*, № 5, p. 182—192. doi: 10.15211/soveurope5202018219.
26. DiMaggio, P. J., Powell, W. W. 2010, A new look at the "iron cage": institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields, *Economic sociology*, vol. 11, № 1, p. 34—56.
27. Rydgren, J. 2005, Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party family, *European Journal of Political Research*, № 44, p. 413—437. doi: 10.1111/j.1475-6765.2005.00233.x.
28. Kampmark, B. 2019, The Danish Elections: Social Democracy with an Inhumane Face, *CounterPunch*, 12 June, URL: <https://www.counterpunch.org/2019/06/12/the-danish-elections-social-democracy-with-an-inhumane-face/> (accessed 21.01.2021).
29. Plevako, N. S. 2019, Parliamentary elections in Denmark, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe RAS], № 3 (9), p. 42—48 (in Russ.).
30. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339. doi: 10.1177/0020852315586309.

The authors

Prof. Vladimir M. Kapitsyn, Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: kapizin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9693-6844>

Prof. Arbahan K. Magomedov, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: armagomedov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Prof. Alexander E. Shaparov, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))